

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.3>

Васильева Татьяна Владимировна

[Художественное своеобразие природоведческой прозы В. П. Сысоева](#)

Статья посвящена изучению художественного мира природоведческих произведений В. П. Сысоева. В работе выделяются типологические черты прозы В. П. Сысоева, анализируются система персонажей, мотивная структура организации сюжета произведений, а также способы художественной репрезентации мира дальневосточной природы. Цель исследования - выявить художественные особенности произведений В. П. Сысоева. Научная новизна исследования заключается в попытке целостного осмысления специфики природоведческой прозы В. П. Сысоева. В результате доказано, что художественная специфика прозы В. П. Сысоева обусловлена синтезом жанров классического охотничьего рассказа и натуралистических природоведческих зарисовок, а также эстетикой натурфилософской прозы второй половины XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/5/3.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 20-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/5/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Семанова М. Л. Примечания // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1978. Т. 14-15. С. 739-886.
5. Сухих И. Н. «Остров Сахалин» в творчестве Чехова // Русская литература. 1985. № 3. С. 72-84.
6. Чехов А. П. Остров Сахалин // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1978. Т. 14-15. С. 887-897.
7. Flath C. Writing about Nothing: Chekhov's "Ariadna" and Narcissistic Narrator // Slavic and East European Journal. 1999. Vol. 77. № 2. P. 223-239.
8. Senelick L. Chekhov and the bubble reputation // Chekhov Then and Now: The Reception of Chekhov in World Culture. N. Y.: Peter Lang, 1997. P. 5-18.
9. Sherbinin J. W. de. Chekhov and Russian Religious Culture: The Poetics of the Marian Paradigm. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1997. 189 p.
10. Swift M. S. Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov. Middlebury Studies in Russian Language and Literature. N. Y. – Oxford: Peter Lang, 2004. 196 p.

Specificity of Graphic Design of A. P. Chekhov's Book "Sakhalin Island"

Borisova Irina Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Provatorova Ol'ga Nikolaevna, Ph. D. in Philology

Orenburg State University

iragridneva7611@mail.ru; olgaprovatorova@yandex.ru

The article for the first time examines specificity of graphic design of A. P. Chekhov's book "Sakhalin Island". The research objective involves identifying the graphic means used in the book and analyzing their functions. Scientific originality of the paper lies in the fact that the book's graphic design has not been previously investigated. The conducted analysis allows identifying the following graphic means: italics, spacing, "feathering" and text graphic equivalent. Their functions are described taking into account a compositional peculiarity – the book is divided into basic text and "subtext" (notes, references). Special attention is paid to distribution of graphic means in the text. The following conclusions are justified: graphic means perform diversified functions that differ depending on a particular text layer, the book's graphic design is closely associated with the writer's storyline and compositional intention.

Key words and phrases: A. P. Chekhov; book of essays "Sakhalin Island"; graphic means; italics; spacing; "feathering"; text graphic equivalent; basic text; "subtext" (notes and references); functions of graphic means.

УДК 82-3(571.6)

Дата поступления рукописи: 16.04.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.3>

Статья посвящена изучению художественного мира природоведческих произведений В. П. Сыроева. В работе выделяются типологические черты прозы В. П. Сыроева, анализируются система персонажей, мотивная структура организации сюжета произведений, а также способы художественной репрезентации мира дальневосточной природы. Цель исследования – выявить художественные особенности произведений В. П. Сыроева. Научная новизна исследования заключается в попытке целостного осмысления специфики природоведческой прозы В. П. Сыроева. В результате доказано, что художественная специфика прозы В. П. Сыроева обусловлена синтезом жанров классического охотничьего рассказа и натуралистических природоведческих зарисовок, а также эстетикой натурфилософской прозы второй половины XX века.

Ключевые слова и фразы: В. П. Сыроев; дальневосточная природоведческая проза; анимализм; охотничьи мотивы; поэтика пейзажа; мифопоэтика.

Васильева Татьяна Владимировна

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

t-1980@yandex.ru

Художественное своеобразие природоведческой прозы В. П. Сыроева

Под дальневосточной природоведческой прозой подразумевается ряд литературных произведений различных жанров, репрезентирующих природно-географические, ландшафтные и ресурсно-биологические особенности российского Дальнего Востока. Анализ фактического материала показывает, что в рамках этой прозы выделяется два больших направления: этнографо-натуралистическое (Н. М. Пржевальский, В. К. Арсеньев) и философско-художественное (В. П. Сыроев, С. П. Кучеренко, Д. Василенко и другие). В. П. Сыроева можно считать основоположником второго направления дальневосточной природоведческой прозы, поскольку в его творчестве происходит коренной поворот от очерково-документального изображения мира дальневосточной природы в сторону ее художественного изображения и натурфилософского осмысления в аспекте экологической проблематики, ставшей актуальной во второй половине XX столетия. Несмотря на то, что перу В. П. Сыроева принадлежит 18 книг, его литературное наследие остается неисследованным в монографическом плане.

Отдельные аспекты жизни и творчества писателя освещались преимущественно в региональной прессе и предисловиях к его трудам, но не было попыток целостного литературоведческого описания его творчества.

Актуальность исследования заключается в выявлении художественной специфики природоведческой прозы В. П. Сысоева. Считаем актуальным восполнить пробел в отсутствии литературоведческого описания художественного мира произведений В. П. Сысоева. Важным также представляется исследование его творчества в контексте натурфилософской природоведческой прозы, выдвинувшей на первый план проблему взаимоотношения человека-покорителя и первозданной природы.

Научная новизна работы заключается в том, что на примере целостного анализа прозы В. П. Сысоева впервые предпринимается попытка означить жанрово-стилистические особенности охотничьей природоведческой прозы как отдельного направления внутри натурфилософской прозы второй половины XX века.

Целью данной работы можно считать описание и анализ типологических черт природоведческой прозы В. П. Сысоева на материале циклов рассказов «Удивительные звери», «Амурские звероловы», повестей «Хозяин Малого Хингана» и «Золотая Ригма». Поставленная цель обусловила постановку и решение следующих *задач* исследования: охарактеризовать систему персонажей прозы В. П. Сысоева, выявить сюжетобразующие мотивы, проанализировать специфику поэтики и описать способы репрезентации природоведческого материала в сюжетно-композиционной структуре произведений.

Теоретической базой исследования послужили публикации О. Н. Александровой-Осокиной, изучающей способы художественной концептуализации природно-географического пространства Дальнего Востока [1; 2], публикации М. М. Одесской и А. В. Мельниковой, занимающихся проблемами трансформации жанра охотничьего рассказа [6; 7], и труды исследователей, изучающих мифопоэтические реминисценции в литературе [3-5; 8].

Практическая значимость статьи заключается в том, что собранный фактический материал может быть использован для рассмотрения эволюционного вектора развития дальневосточной природоведческой прозы, а также в качестве одного из способов описания произведений писателей-натуралистов в процессе системного изучения специфики природоведческой прозы второй половины XX века.

В исследовании применялись **методы** историко-генетического анализа, типологический **метод**, а также структурно-семиотический **метод**.

Анализ основных произведений позволяет заключить, что природоведческий нарратив прозы В. П. Сысоева, представляющий собой описание ландшафтного, животного и растительного мира Приамурья, репрезентируется в контексте охотничьих рассказов и повестей. Семантика большинства названий апеллирует к охотничьей тематике: «Амурские звероловы», «Рассказы дальневосточного следопыта», «У охотничьего костра» и т.п. В этих произведениях В. П. Сысоев отступает от традиционной «я-формы» охотничьих рассказов, в которых центральным персонажем являлась автобиографическая фигура самого охотника-повествователя (эта форма наблюдается только в рассказе «Тигролов»), и выдвигает на первый план художественные образы охотоведов-охотников. Типология героев-охотников в прозе В. П. Сысоева сводится к двум основным типам. Первый тип представлен образами молодых, начинающих охотников и охотоведов. Это образы охотоведа Реутова (в повести «Хозяин Малого Хингана»), образ охотника Калугина (в юные годы) в «Золотой Ригме», Матвея в «Амурских звероловах» и т.д. В этом типе героев узнаваем архетип героя-исследователя, ищущего себя, познающего жизнь и выстраивающего свою нравственную концепцию во взаимоотношениях с миром природы. Для этих персонажей одним из ведущих мотивов является мотив инициации – переход на новую ступень развития в процессе испытаний. Сюжетно мотив инициации является сквозным мотивом в различных произведениях и воплощается в эпизодах первой охоты новичков совместно с бывальыми охотниками. Молодое поколение постигает охотничьи премудрости через диалоги с бывальыми охотниками или на личном опыте через столкновение с анималистическими персонажами (тигр, медведь и т.д.), воплощающими мощь природы и т.д.

Охота для главных персонажей В. П. Сысоева – это «*страсть, отдавшись которой человек познает высшую степень напряжения всех его духовных и физических сил*» [11, с. 42]. В духовных исканиях этих персонажей раскрывается нравственно-этический аспект во взаимоотношениях человека и природы, заключающийся в гармоничном сосуществовании, в уважении ко всему живому и в восхищении мощью и красотой дальневосточной природы. Так, например, изображая встречу с медведем в финале повести «Хозяин Малого Хингана», автор описывает мистическое восприятие героем мира природы: «*Неведомая сила зачаровала его охотничье сердце. С восторгом любовался он изумительным творением природы. Мощь, красота и грозное величие крупного хищника воспринимались здесь, в сосновом бору, как диво дивное, и в то же время как проявление естественного, живого дыхания этого задумчивого бора*» [Там же, с. 64]. Подобный эпизод катарсиса от столкновения с первозданным миром природы наблюдается в «Золотой Ригме»: «*Словно зачарованный смотрел им в след Калугин, и прозрачная слеза умиления застлала глаза старого тигролова*» [9, с. 120].

Второй тип персонажей представлен образами опытных охотников, представляющих собой репрезентации архетипического образа «мудрого старика», «проводника», воплощенного в характерах пасечника Басаргина («Хозяин Малого Хингана»), Ивана Павловича Богачева («В северных джунглях»), в образах бывалых охотников в повести «За черным соболем» и т.д. Главная идейно-сюжетная функция этих персонажей – передача опыта звероловства, воплощение природного естественного духа человека, гармонично сосуществующего с природой, любви к уникальному миру дальневосточной природы. В. П. Сысоев уделяет много внимания портретной характеристике этих персонажей: «*Голубые, всегда улыбающиеся ласковые глаза, большая, пыльная серебристая борода, широкое, типично русское лицо, располагающее к себе и взрослому,*

и ребенка. *Слушаешь его мягкий грудной голос и не верится, что перед тобой гроза тигров; но крепкие руки, мускулистые и сильные, как у борца, говорят о большой силе, необходимой охотнику в рукопашных схватках с могучим и ловким зверем»* [10, с. 66]. Их речь, в отличие преимущественно нейтральной речи молодых персонажей-охотников, насыщена поэтикой живого языка (пословицы, поговорки, уменьшительно-ласкательные формы, диалектизмы и т.д.). Автор использует данные стилистические средства, чтобы означать героев-старцев как носителей духовной основы русского национального характера.

Персонажам-охотникам противопоставлены анималистические персонажи. Спецификой природоведческой прозы В. П. Сысоева является то, что персонажам-животным отводится ведущая роль. Художественное пространство охотничьего рассказа меняется с антропоцентрического (описание природы через сознание персонажа-человека) в сторону биоцентрического (картина мира дается преимущественно через сознание животного). В сюжетном плане события представляются писателем с двух позиций – с позиции человека-охотника и с позиции зверя, наделенного рефлексией над происходящим и сознанием, которое транслируется через повествователя. Если для охотника процесс охоты – страсть и необходимость рационального природопользования (например, отлов тигров для зоопарков, цирков или отстрел медведей-шатунов), то для зверя – это нарушение гармоничного мира природы, неоправданное вмешательство, смерть. Часто автор-повествователь передает эмотивное состояние животного посредством сенсорной лексики, семантическое ядро которой репрезентирует звуки и запахи: *«Огненная вспышка выстрела, оглушительный грохот, запах едкой пороховой гари и крови, наконец, испуганный рев матери ошеломили его»* [Там же, с. 136]. *«Бык вздрогнул и замер на месте. Запахло человеком. Изюбр не доверял своему зрению: сколько раз он принимал оборонившие пни в лесу за охотников! Подводили его обычно и чуткие уши, ибо звуки лопающихся деревьев зачастую походили на выстрелы, а шорох, производимый белкой, был иногда похож на шорох шагов человека. Только обоняние никогда не подводило быка. И когда его ноздри уловили запах охотника, он... скрылся в сумерках леса... По-прежнему было тихо. Но, когда он вспомнил противный запах смертоносного оружия, нос его сморщился, и изюбр издал громкий отрывистый кашель, напоминающий лай собаки»* [Там же, с. 189].

С целью подчеркнуть катастрофичность охоты для анималистических персонажей в рассказах и повестях отдельное внимание уделяется детству персонажей. В этих эпизодах идейные акценты концентрированы на эпизодах материнской любви, на чувстве семьи и катастрофичности потери (в большинстве произведений герои теряют братьев и сестер или мать). Именно анимализм, наделение животного наряду с человеком чувствами и сознанием, смена позиции в дихотомии «охотник – зверь» с субъектно-объектных на субъектно-субъектную (человек и животное как равнозначные существа в едином круге сущего) отличают природоведческую прозу В. П. Сысоева от дальневосточных писателей-натуралистов предшествующего периода.

Галерея анималистических персонажей, представляющих природный мир дальневосточного региона, многообразна. Например, цикл рассказов *«Удивительные звери»* повествует о 13 представителях дальневосточной фауны в качестве главных персонажей. В рассказах описываются повадки животного, особенности его среды обитания. Читателю представлены эпизоды борьбы животного за выживание в различных обстоятельствах, сцены «удачной» и «неудачной» охоты, описываются взаимодействия с естественными врагами (птицы, хищники) и встречи с человеком (преимущественно с охотниками и промысловиками). Репрезентацию природоведческих мотивов можно рассмотреть на примере рассказа *«Древесный разбойник»*. В центре повествования история непальской куницы – представительницы *«древесного яруса смешанного леса»* [Там же, с. 178]. Рассказ начинается с описания среды обитания и экстерьера животного: *«Менгуза жила в глубоком дупле дряхлого кедра... Вытянутое гибкое тело Менгузы вместе с хвостом было немного длиннее метра. И при этом на хвост приходилось две трети длины туловища. Яркой и пестрой окраской делила природа куницу: грубый блестящий волос верхней части ее головы, лап и хвоста был черно-бурый, спина – темно-желтой, грудь – золотистой, а подбородок – чисто-белым...»* [Там же]. В экспозиции этого рассказа В. П. Сысоев представляет природно-ландшафтные зарисовки среды обитания животного и означает календарное время (типичный прием для большинства произведений В. П. Сысоева). Примечательно, что календарные мотивы в рассказах и повестях часто чередуются (обычно по двухчастной схеме «теплое время года» (благодать) – «холодное время года» (испытания), реже хронотоп включает 4 календарных сезона, например, в *«Золотой Ригме»*). Таежные пейзажные зарисовки у В. П. Сысоева выполняют несколько функций: 1) хронотопическую (обозначение времени и пространства действия); 2) лирическую (апеллирует к психологизму); 3) символическую (связывается с мифопоэтическими реминисценциями): *«В лесу стояла та благодатная пора, когда все четвероногие отдыхают от гнуса и зноя. На земле лежал еще первый снег, но это еще не была зима: приятно пригревало солнце, пахло увядшими травами и смолистой корой, пели, словно летом, дубоносы. Казалось, что вся природа нежится под ласковыми лучами яркого осеннего солнца... Наступали сумерки. Сквозь почерневшие ветви кедров виднелся багряно-золотистый кусочек неба, но жизнь в лесу не замирала...»* [Там же, с. 179]. Фактологическая функция пейзажа сводится не только к описанию времени и действия. В сюжетных зарисовки В. П. Сысоев часто вводит описания повадок и привычек дальневосточных животных (которые могут и не участвовать в основном сюжете): *«Пресыщенные редким изобилием пищи, дремали хищники. Сновали игривые белки, лениво копались в земле кабаны... на смену дневным обитателям леса появились ночные – заяц и белка-летяга... С нижних усохших ветвей свешивались сизые бородатые лишайники, любимое кушанье кабарожек – маленьких безрогих оленьков»* [Там же]. Пейзажи у В. П. Сысоева насыщены сенсорными коннотациями, такими, как ощущения тепла и холода, звуков, цветов и т.д. Часто сенсорная лексика выполняет символическую функцию: семантика тепла, репрезентированная в образах солнца, теплого гнезда (дупла, логова) и т.д., апеллирует к гармонии, изобилию. Напротив,

семантика холода (репрезентированная в лексике, описывающей картины дальневосточной зимы) апеллирует к лишениям, трудностям, даже смерти. В частности, в «Древесном разбойнике» героиня, с успехом выдержав все испытания (схватки с хищниками, капкан, охоту человека), трагически нелепо погибает, поскользнувшись на обледеневшем стволе дерева.

Можно отметить тот факт, что пейзажные зарисовки у В. П. Сыроева сюжетны, развиваются во времени, в сущности являясь гранями персонифицированного образа дальневосточной природы, которую автор одухотворяет и наделяет творческой силой: «*Однообразный наряд сопок вначале оживился охристыми пятнами отдельных деревьев бархата и березы, затем эти пятна расширились, разлились по увалам, поросшим осинником и ясенем, вспыхнули огненно-багряными купами клена и рябины. Прошла неделя, и склоны всех сопок, насколько хватало глаза, покрылись такой цветистой гаммой, таким пестрым радужным ковром, что многие птицы запели свои песни, словно вернулась весна*» [9, с. 134].

Координатами концептуального образа Дальнего Востока в природоведческой прозе В. Сыроева являются описания климата, ландшафта (горные гряды, горы, сопки, пади, урочища, равнины, увалы, системы рек и озер, болота и т.д.); описания флоры (деревья, ольшаники, ивняки, редколесье, смешанные леса и их разнообразная флора – начиная от цветов (пионы, ландыши и мн. др.), заканчивая субтропическими растениями (актинидия и дальневосточный виноград)); описания дальневосточной фауны (грызуны, копытные, хищники, насекомые). Автор не только приводит научные названия растений и животных, но и, подчеркивая региональный национальный колорит, указывает диалектный вариант этих названий, укоренившийся в дальневосточном узусе: «Амба» (тигр), «Менгуза» (куница), «Мафа» (медведь), «Кишмиш» (ангинидия-коломикта) и т.п. Национальный колорит отражается и в мифопоэтике рассказов и повестей, восходящей к древним представлениям народностей Приамурья. Космогонические и эсхатологические мотивы связаны с образом дальневосточной тайги (леса), которая персонифицируется, наделяется свойствами демиурга (созидающего и уничтожающего), символизирующего круг жизни: «Суровый лес безмолвно встретил появление на свет тигрят» [Там же, с. 14]; «Казалось, сам лес взревел от боли и стонет от ужаса» [Там же, с. 29]. Онтологическую древность леса В. П. Сыроев подчеркивает эпитетами *девственный, реликтовый, первозданный, первобытный*. Образы анималистических персонажей углубляются мифопоэтической семантикой. Их схватки уподоблены эпическим битвам, лексику, характеризующую героев в этих эпизодах, можно рассматривать как мифопоэтические репрезентации (*хозяин тайги, гроза тайги, владыка джунглей*): «В нерешительности стояли друг против друга два лесных великана: хозяин тайги и владыка джунглей» [8, с. 61]. Проведенный анализ эмпирического материала также показал, что архитектура произведений В. П. Сыроева апеллирует к структуре мифоцентрического текста, разворачиваясь по схеме: 1) состояние гармонии, равновесия нормы (эпизоды рождения животного, его гармоничное существование в природе, мотивы материнства и детства и т.д.); 2) утрата гармонии, равновесия (вмешательство человека, убийство собратьев, отлов, ранение); 3) усиление дисгармонии (скитания животного, вырванного из привычной среды обитания); 4) обретение гармонии (возвращение в естественную среду, продолжение рода). Единство и недискретность, являющиеся концептуальным свойством всего сущего в мифопоэтической картине мира, в поэтике В. П. Сыроева подчеркиваются художественным приемом сравнения: «И, хотя *Ригма*, распластавшись на снегу, ползла от прикрытия к прикрытию *подобно* полосатой змее, изюбры заметили ее» [11, с. 53]; «По морщинистому стволу старого тополя, *подобно* ожившей *лиане*, медленно полз большой полоз» [8, с. 80]; «Вдруг крупная *рыбина* с красноватыми богами... энергично извиваясь всем телом, поползла вверх против течения, *словно* гигантская *ящерица*» [Там же, с. 61]. Хищники чаще всего уподобляются пресмыкающимся, пресмыкающиеся – растениям, грызуны – птицам («*птицей метнулся*»). Мифоцентризм природоведческих текстов в творчестве В. П. Сыроева, с одной стороны, обусловлен традициями дальневосточной природоведческой прозы начала XX века, концептуализирующей природно-географическое пространство Дальнего Востока через сознание «естественных людей» (Дерсу Узала у В. К. Арсеньева, Лувен у М. Пришвина), с другой стороны, эстетикой натурфилософской прозы, активно развивающейся в этот период (В. Распутин, В. Астафьев и другие).

Подводя итоги, мы приходим к *выводу* о том, что художественная специфика прозы В. П. Сыроева обусловлена синтезом жанров классического охотничьего рассказа и натуралистических природоведческих зарисовок. В произведениях В. П. Сыроева план повествования сдвигается с антропоцентрического на зооцентрический, поэтому главными персонажами становятся животные, которые наделяются сознанием и чувствами, которые транслируются читателю через повествователя. Поэтика В. П. Сыроева основывается на принципе анимизма – всеобщего одухотворения. Природоведческие мотивы, связанные с репрезентацией природно-географического образа Дальнего Востока, реализуются в двух пластах: фактологическом (описание природных реалий) и мифологическом (обусловленном, с одной стороны, мифопоэтикой малых народностей Дальнего Востока, являющейся частью региональной культуры, с другой стороны, эстетикой натурфилософской прозы второй половины XX века, в которой миф выступает способом осмысления взаимоотношений между человеком и природой). Предпринятый нами анализ открывает перспективу для дальнейшего исследования как творчества В. П. Сыроева, так и современной дальневосточной природоведческой прозы.

Список источников

1. Александрова-Осокина О. Н. Поэтика дальневосточного пейзажа в книге Н. М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2019. № 3. С. 71-82.
2. Александрова-Осокина О. Н. Поэтическая топография Приамурья в поэзии П. Комарова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2019. № 4. С. 82-90.

3. Доманский Ю. В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь: Классик, 2001. 94 с.
4. Козолупенко Д. П. Мифопоэтический нарратив как одно из оснований преемственности // Философские науки. 2009. № 3. С. 125-140.
5. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 136 с.
6. Мельникова А. В. Охотничьи нарративы в русской литературе второй половины XIX – первой трети XX в. // Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2014. С. 61-81.
7. Одесская М. М. Ружьё и лира: охотничий рассказ в русской литературе XIX в. // Вопросы литературы. 1998. № 3. С. 239-252.
8. Смирнова А. И. «Не то, что мните вы, природа...»: русская натурфилософская проза 1960-1980-х гг. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 1995. 191 с.
9. Сысоев В. П. Золотая Ригма. М.: Речь, 2015. 400 с.
10. Сысоев В. П. Избранное: в 3-х т. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2013. Т. 2. 368 с.
11. Сысоев В. П. Хозяин Малого Хингана. Хабаровск: Кн. изд-во, 1991. 64 с.

Artistic Originality of V. P. Sysoev's Naturalistic Prose

Vasil'eva Tat'yana Vladimirovna
Pacific National University, Khabarovsk
t-1980@yandex.ru

The article examines the artistic world of V. P. Sysoev's naturalistic works. The researcher reveals typological features of V. P. Sysoev's prose, analyzes the personages system, the stories' motive structure and specificity of artistic representation of the Far Eastern natural world. The research objective includes identifying artistic peculiarities of V. P. Sysoev's works. Originality of the study involves the comprehensive approach to analyzing specificity of V. P. Sysoev's naturalistic prose. The conclusion is made that artistic originality of V. P. Sysoev's prose is due to synthesis of the classical hunting story and the naturalistic sketch and is determined by aesthetics of natural-philosophical prose of the second half of the XX century.

Key words and phrases: V. P. Sysoev; Far Eastern naturalistic prose; animalism; hunting motives; landscape poetics; mythopoetics.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 17.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.4>

Статья посвящена анализу особенностей поэтики символа «ведьмин волос» в одноименном рассказе Юрия Буйды. Цель исследования состоит в изучении семантики имен собственных, символов и деталей в контексте культурной традиции и авторского мировидения, а также их контаминации с центральным символом «ведьмин волос». Научная новизна работы видится в выявлении двухчастной структуры символа, служащей созданию основной идейной антитезы «быт и бытие». В результате определяется, что лейтмотивный символ «ведьмин волос» структурирует повествование в рассказе, углубляя его аксиологическую проблематику, способствуя выражению центральной идеи о необходимости сохранения духовной основы в современном обществе.

Ключевые слова и фразы: современная русская проза; рассказ; Буйда; символ; символика пространства; «ведьмин волос»; «быт и бытие».

Дедухина Ольга Владимировна, к. филол. н., доц.
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
dedyuhina.olga28@mail.ru

Поэтика символа «ведьмин волос» в одноименном рассказе Ю. В. Буйды

Предметом настоящей статьи стала поэтика символа в рассказе Ю. В. Буйды «Ведьмин волос». **Актуальность** исследования обуславливается обращением современного писателя к символическим образам, деталям, параллелям, чаще всего выполняющим структурообразующую функцию и способствующим созданию идейной концепции произведения. Символ в поэтике малой прозы Буйды – аксиологическая категория, в чем видится специфика не только стиля писателя, но и его мировидения.

Аксиологическая проблематика произведений современного прозаика, антитеза мечты и действительности, способствующая формированию мифологического подтекста, неоднократно оказывались в поле зрения исследователей его творчества, например, в работах А. С. Меркуловой [6], Н. В. Перепелицыной [7], М. В. Гавриловой [2], Н. В. Пушкаревой [9] и др. Не осталась без внимания литературоведов и такая проблема, как значение символических образов и мотивов. В статьях Д. В. Константинова [5], М. В. Гавриловой и М. А. Дмитриевской [3],